

Г. Н. КАНИНСКАЯ

ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОРИКИ О ПРОСТРАНСТВЕ «НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ» ОТ СТАНОВЛЕНИЯ ДО ИСПЫТАНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ*

В статье приводятся размышления французских историков, выпускников и ведущих профессоров Института политических наук Парижа, а также редакторов издательств «Файяр», «Галлимар» и «Новый мир», о тенденциях во французской историографии последних 30-ти лет, на примере политической истории.

Ключевые слова: *политическая история, школа «Анналов», междисциплинарность, культурная история, универсализация исторического знания.*

Причин, послуживших побудительными мотивами для написания этой статьи, несколько. Во-первых, непреходящий интерес представляет тематика журнала «Диалог со временем», погружающая заинтересованных читателей в «мир истории» с его проблемами и инновациями. Во-вторых, не будет преувеличением сказать, что своим появлением «новая политическая история» в немалой степени обязана французской историографии, престиж которой в глобализирующемся историческом пространстве по-прежнему довольно высок. В-третьих, автору статьи неоднократно представлялась возможность проходить научные стажировки и работать приглашенным профессором в Институте политических наук Парижа (широко известен под кратким названием Сьянс-по) и в результате – непосредственно познакомиться с теми, кто создавал и продолжает развивать «новую политическую историю» во Франции, а кроме того, взять у некоторых из них интервью и таким образом дополнить новыми сведениями наше знание об исследовательском поле политической истории во французской историографии. В-четвертых, являясь уже второй авторской публикацией, обобщающей интервью французских историков, настоящая статья в известной мере призвана послужить продолжением начатого (Диалог со временем. 2010. Вып. 30). Наконец, в-пятых, небезынтересно, осмыслив суждения французских историков о влиянии на их национальную историческую науку стремительно развивающейся универсализация исторического знания, подумать, какой посыл этот процесс может передать российской исторической науке.

* Статья выполнена при поддержке Дома наук о человеке г. Парижа.

Интервью, о которых пойдет речь, состоялись в мае 2009 и мае 2010 гг. Часть их проходила в стенах Сьянс-по, часть – в пользующихся мировой известностью издательствах «Файяр» и «Галлимар», а также в издательстве «Новый мир», тоже довольно успешно действующем на книжном рынке. Получилось так, что среди тех, кто любезно согласился побеседовать с автором данной статьи, оказались историки трех поколений. Из старшего поколения, тех, кто приближается или перешел рубеж 70 лет, это были маститые историки С. Берстайн, П. Нора и Э. Роули; среднее, подходящее к 60-ти годам, представил М. Лазар; наконец, от «молодых» (40–50 лет), выступил Я. Дез. Среди перечисленных имен российскому читателю хорошо знакомо и не требует особых комментариев лишь имя П. Нора, снискавшего признание мировом историческом сообществе благодаря тому, что первым предложил новое направление – изучение «мест памяти»¹. Между тем, не ошибемся, если скажем, что в Европе и нашей стране исследователи-франковеды весьма почитают авторитетного специалиста по социально-политической истории Франции XX века С. Берстайна. Э. Роули представляет собой замечательный пример «прикипевшего» к французской истории англичанина, который постоянно и успешно вносит свой вклад в дело ее развития и вместе с тем активно содействует знакомству с ней англо-американской историографии². Двое последних – М. Лазар и Я. Дез – бывшие ученики, а ныне продолжатели дела трех первых, но в то же время переосмысливающие их наследие и заявляющие о себе как о новаторах. Добавим, что регулярные посещения Сьянс-по, начиная с 1995 г., позволили нам непосредственно познакомиться с Я. Дез с момента его пребывания в, говоря по-нашему, докторантуре, а с М. Лазаром – со времени прихода его профессором в Сьянс-по.

Всем интервьюированным перед началом бесед в письменном виде были предложены шесть вопросов:

1. Что побудило Вас стать историком? Каков был Ваш профессиональный путь, и какое влияние оказала Ваша семья на выбор профессии?
2. Назовите ученых, наиболее сильно повлиявших на Ваше профессиональное становление.
3. Как Вы оцениваете эволюцию французской историографии на протяжении последних 30 лет?

¹ П. Нора – единственный из вышеназванных историков, кто неоднократно посещал нашу страну, выступал на собраниях разного уровня; его труды переведены на русский язык. Самый известный из них – книга, написанная под его руководством: Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999.

² К сожалению, в начале ноября 2011 г. Э. Роули скоропостижно скончался.

4. Какие новые тенденции Вам хотелось бы в ней выделить, и какие из них наиболее Вас привлекают?

5. На Ваш взгляд, существуют ли сегодня национальные исторические школы, например, французская, американская, немецкая и др.?

6. Чего, на Ваш взгляд, сегодня не хватает французской историографии, и какие новые подходы Вам хотелось бы в ней развивать?

Из текстов видно, что наши собеседники, как правило, начинали интервью, повторяя первый вопрос, а затем вели разговор, не делая специальных переходов от вопроса к вопросу, а иногда вкрапляли ответ на один вопрос в рассуждения на тему другого, а на некоторые вопросы, например, о влиянии семьи на выбор профессии, ответили не все. Автор статьи сочла своим долгом не перебивать собеседников, не настаивать на обязательности ответов по каждому вопросу, поэтому посчитала целесообразным опубликовать содержание бесед сплошным текстом.

Интервью с Пьером Нора от 19 мая 2010 г.

Итак, каков мой путь? Я начал одновременно с историей изучать литературу и философию, а потом, в 1958 г., сдал агрегационные экзамены³ по истории в Сорбонне. Затем меня призвали на военную службу в Алжир. К тому времени, благодаря успеху «школы Анналов», история начала занимать гораздо более важное место, чем философия и литература. Все, что я постиг в то время из истории – это благодаря «Анналам», хотя это не была ни новейшая история, ни национальная, ни тем более, политическая история. А меня всегда, еще со школьной скамьи, интересовала национальная новейшая история. Через алжирскую войну у меня, как и у всего моего поколения, возник интерес не только к проблемам колониализма, но в целом к проблемам коммунизма, голлизма, холодной войны. Эти проблемы будоражили наше сознание. Так что долгое время в профессиональном плане я витал между моим особым интересом к новейшей политической национальной истории и интересом к «школе Анналов». А потом я пришел в издательский дом «Галлимар». Тогдашний главный редактор сказал мне, что Дом очень преуспел в публикации литературных произведений, плодотворно печатая книги А. Мальро, А. Жида, но существует лакуна в выпуске литературы интеллектуального жанра, ибо до сих пор издательство не напечатало труды ни К. Леви-Строса, ни Ж. Лакана, ни Ф. Броделя. Я же к тому времени уже имел некоторый опыт в этом деле, работая в издательстве

³ Агрегационные экзамены во Франции – это двух уровневые экзамены, дающие право на преподавание в лицеях и в высшей школе.

«Жюльяр» и начав там публикацию книг карманного формата под общим серийным названием «Архивы». Книги для этой серии писали лучшие в то время историки, посвящая их разным новым, подчас острым историческим сюжетам, и потому эти книги имели большой успех у читателей. Среди авторов назову Ж. Озуфа, опубликовавшего из архивов директивы Коминтерна, послылавшиеся во Францию в 1920-х гг. Также появились первые книги об «Аушвице» и так далее. Собственно, благодаря этому моему успеху «Галлимар» и обратился ко мне. Так я возглавил в издательстве отдел «общественные науки» и сразу начал публиковать труды М. Фуко, Р. Арона, Ж. Ле Гоффа. Опять дело пошло успешно, и, если честно, мне доставляло гораздо больше удовольствия править их тексты, чем тексты студентов. Хотя я долго преподавал в Сьянс-по новейшую историю, потом меня избрали в Высшую школу социальных наук, где я смог полностью раскрыть мой научный потенциал. Тогда я начал работать над изучением национальных чувств. И начал с изучения личности и творчества Э. Лависса, маститого ученого XIX века, создавшего новую Сорбонну и написавшего для средней школы учебник по истории, на котором воспитывалось целое поколение французов с 1900 до 1914 гг. Это был очень националистический и республиканский учебник, так что можно сказать, что это Э. Лависс выиграл Верденское сражение. Более того, из-под его пера вышел огромный 27-томный труд по истории Франции, вобравший в себя все достижения исторической науки за первые 20 лет XX века и публиковавшийся на протяжении 1902–1922 гг. Этот труд долгое время оставался главным мерилом, которому надо было следовать, освещая историю Франции, и нельзя было оспаривать его оценочную часть. Надо сказать, что влияние этого труда не изжило себя в нашей стране до сих пор. Таким образом, интерес к национальным чувствам пробудился во мне именно благодаря Э. Лависсу. Однако, как только я начал трудиться в Высшей школе, я подумал, что важнее изучать национальные чувства не посредством изучения идей, а попытаться подойти к их пониманию и объяснению, изучая те места, в которых концентрируется национальная идея. Начал я с простого – с изучения имен улиц в Париже, памятников, ассоциаций ветеранов. Ведь все эти объекты являются, по сути, инструментами передачи национальной идеи, особенно наглядно проявляющимися во время празднований. И тут я заметил, что такие символы, как Марсельеза, французский флаг, день 14 июля (особенно два первых символа), никогда специально не изучались историками. О Марсельезе писали лишь музыковеды, о флаге – несколько вышедших на пенсию генералов времен Первой мировой войны, тогда как историки – специалисты по

новой истории обо всем этом не писали. Тогда я и начал свой эксперимент, попытавшись сконцентрировать внимание на всех интересующих меня проблемах в годы III и IV Республик, поскольку специализировался на их истории. Начал с необычных сюжетов, например, с изучения девиза: «Свобода, Равенство, Братство». Привлек мое внимание как исследователя и Пантеон. А логическую цепочку моих рассуждений хочу раскрыть на банальном примере – гонке велосипедистов «Тур де Франс». Как связать ее с историей? Во-первых, примечательно само время ее становления – 1903 г. В этот же год Э. Лависс начал издавать свою «Историю Франции», попросив крупного географа П. Видаля де ла Бланша написать для книги часть по географии Франции. Само по себе это уже имело огромное значение, ибо заказ был не на простое географическое описание страны, как это делалось раньше. По настоянию Э. Лависса, во главу угла была поставлена Франция, такая разная страна в региональном, этнографическом плане. И «Тур де Франс» предоставил блестящую возможность через популяризацию поездок по стране объединить народ. Таким образом, гонка оживила не только спорт, но и историческую память. Известно, что де Голль знал наизусть труд П. Видаля де ля Бланша. Во-вторых, с «Тур де Франс» можно связать еще одно историческое явление. В Средние века, примерно с XIV века, ремесленники, чтобы узнать, что происходит в других ремесленных цехах, засылали туда своих «агентов», порой нелегально, и таких агентов называли «Компаньоны де тур де Франс». Получается, что традиция «разузнавания» через поездки уходит своими корнями в более глубокое прошлое. Нельзя не обратить внимание на еще один интересный исторический факт. Велосипед представляет собой вид транспорта народного, а для знати предпочтительней было передвигаться на лошадях. Следовательно, появление в нашей жизни «Тур де Франс» означало конец аристократической и начало народной Франции. В итоге мы можем проследить в «Тур де Франс» сплетение народной Франции, Франции рабочих и, в известной мере, тайной, нелегальной. В наши дни к этим характеристикам следует добавить еще «эффект масс-медиа». Так, мы можем обнаружить очень много интересного вокруг этого «Тура» с точки зрения исторической памяти. Существует масса других примеров подобного рода, ставших частью символической истории. Вот таким образом через 10 лет я послужил обновлению подходов к изучению истории, о чем Ж. Ле Гофф в «Ле Монд» написал, что это та история, в которой сегодня нуждается Франция. Этот новый подход получил название «культурная история». Причем, с одной стороны, он вовсе не был связан с историей культуры, а с другой – такой подход означал

полный разрыв с «Анналами». Для меня мой подход был связан со стремлением придать историческую глубину новейшей истории. Правда, порвав с тотальной историей «Анналов», я позаимствовал у нее ее исследовательский метод. Поэтому, если говорить о разрыве с «Анналами», то можно сказать, что он был, и не был. Зависит от того, что понимать под этой школой. Если ее взять за годы 1950-е, т.е. когда она была исключительно историей экономической и социальной, то это был полный разрыв. Если говорить, что «Анналы» в 1950–1960-е гг. были под влиянием марксизма и приоритет отдавался истории экономической и социальной, то тоже можно говорить о разрыве. Но, если, напротив, считать, что дух Анналов 1930–1940 гг. отражала история антропологическая и при этом гораздо более тесно связанная с новейшим периодом, то разрыва вовсе и не было, так как для меня этот дух школы был очень значителен. Это с Ф. Броделя начали пренебрежительно относиться к новейшей истории. Он ее не любил. Так что мой вклад в историографию – это и обновление «Анналов». «Места памяти» – это авантюра моей жизни. Сначала у меня и программы не было, возникла лишь идея: осмыслить триптих – Республика, нация, Франция. И тут я сделал два важных открытия. Первое заключалось в том, что, в отличие от Э. Лависса, представлявшего этот триптих всегда в единстве, я обнаружил и доказал, что в действительности все эти элементы отнюдь не всегда были неразрывно слиты. Республика, например, во Франции утверждалась с трудом. Таким образом, я подверг деконструкции Э. Лависса. И с этой деконструкцией было связано второе мое открытие. Я пришел к выводу о том, что история истории – или историография – это важнейшая область знания, которую надо не повторять речитативом, а именно деконструировать ее элементы для того, чтобы ее понять. Эта моя новая история имела успех. Учителя в школах получили новые методы, а ученикам нравилось, что им стали говорить об истории иначе, не как «Анналы». А я продолжил совершенствовать методику и в 1993–95 гг., опубликовал свое многотомное исследование. Работая, я осознал, что все другие страны тоже имеют свои места памяти и что само это понятие универсально, проблема эта касается всех стран: коммунистических, бывших колониальных, наших индустриальных. Историкам, занимающимся новейшей историей, нужны свидетельства и очевидцы для того, чтобы объяснять с помощью такой истории происходящие сейчас события. Произошло, таким образом, возвращение к современной истории, ведь в начале моей карьеры история останавливалась на 1914 г., а по новейшей истории в университетах не давали тем для диссертаций. Поэтому такие люди, как я, и шли работать в Сьянс-по. Сего-

дня, наоборот, интерес к новейшей истории очень велик, особенно к теме Второй мировой войны, послевоенному времени. Вес ее настолько ощутим, что под ее влиянием трансформировалось много других дисциплин. В то же время сама новейшая история превратилась в историю культурную. Она доминирует даже при изучении экономической истории, так как теперь, например, пишут про «память о предприятиях». Хотя мне кажется, что слово «память» больше относится все же к политической истории, чем к культурной. Обращение к памяти позволяет обогатить политическую историю, понять ее проблемы. Теперь у историков принято говорить скорее об «истории политики», а не о «политической истории». Или об «истории власти». Среди тех историков, кто способствовал глубокому обновлению истории политики, следует прежде всего назвать Р. Ремона в Сьянс-по, Ф. Фюре – в Высшей школе социальных наук, Ж. Жюльяра, ведущего исторического обозревателя в журнале «Нувель Обсерватер» и др. Они привлекли внимание к изучению не только истории власти и способов ее действия, но наряду с этим еще и к анализу коллективов и всего социального, к тому, что способствует объединению коллектива, совместному сосуществованию. «Новая политическая история» послужила образцом для новых подходов во всей истории. С ней связана история крупных событий и выдающихся деятелей. Нельзя забывать и о необыкновенной трансформации роли средств массовой информации в жизни современного общества. СМИ глубоко проникли в повседневное сознание граждан, их оценки и восприятие происходящих событий. Масс-медиа также меняют историческое знание. Когда в 1870–1890-е гг. в Европе родилась пресса, все же только историки объясняли прошлое. Теперь дело обстоит иначе. Телевидение демократизировало историческое сознание, широко популяризировало его. На мой взгляд, между национальными школами существует разница. Например, невозможно создать европейскую историю, не поняв национальной истории, то есть сначала надо осознать, что значит быть немцем, французом или итальянцем. К сожалению, современная французская историография испытывает немалые трудности, она вдруг оказалась малоизвестной мировому историческому сообществу, оттого, что французы не публикуются на английском языке, что просто необходимо в современных условиях.

Интервью с С. Берстайном от 5 мая 2009 г.

Почему стал историком? Из интереса к истории и потому, что к науке этой обратился во время Второй мировой войны, события которой разворачивались вокруг меня. Мне было 6 лет в 1940 г., и все происходящее настолько меня захватило, что я не думал ни о чем, кроме

истории. Особенно, когда я читал учебники по истории, представлявшие историю нашей страны, как сплошь героическую. Чего стоило, например, описание знаменитого полета Гамбетты на шаре во время франко-прусской войны. Но на деле-то я видел совсем другое. Поэтому в школе я начал усиленно штудировать историю, много трудился в этой области. Хотя об университетской карьере поначалу не думал, ибо семейное положение обязывало меня сразу после бакалавриата⁴ начать работать. В 1954 г., в возрасте 20 лет я стал учителем. Но ради удовольствия и отнюдь не ради университетской карьеры тогда же я начал изучать историю в Сорбонне. Двигался медленно, сначала получил диплом лицензиата, потом – диплом о высшем образовании, что тогда называли «мэтриз»⁵, и для получения которого надо было проделать первое научное исследование. Так как все это у меня очень хорошо прошло, я начал готовиться к агрегационному экзамену. Думал, что процесс этот тоже будет медленно идти, но оказалось, что сдал экзамен с первого раза и стал профессором лицея сначала в Гавре, а потом трудился в разных лицеях Парижа. Однажды я встретил своего друга по агрегационным экзаменам, специалиста по новой истории Даниэля Роша, который тогда был доцентом в Высшей нормальной школе Сен-Клу, а впоследствии завершил свою научную карьеру в Коллеж де Франс⁷. Он мне сказал, что должен читать в этой школе курс по истории Франции в 1914–1945 гг., но это не его период, отнимет на подготовку много времени, к тому же не очень лично его интересует. Одним словом, Д. Рош предложил мне прочитать курс по этому периоду. Я согласился, и это продлилось в этой школе 15 лет. Тогда я заинтересовался межвоенным периодом и особенно для себя отметил, что все историки писали о том, какую в это время важную роль в политической жизни играли радикалы, причем добивались власти, как левые, потом, будучи в правительствах, смещались к правому центру, меняя при этом правящее большинство. Эту тенденцию политолог Ф. Гогель назвал «законом двух лет». И я задался вопросом о том, кто же были эти люди, какими мотивами руководствовались, проделывая подобный вираж? В то же время форму-

⁴ Экзамен бакалавриата во Франции сдают выпускники лицеев. Успешно его прошедшие имеют право поступать в высшие учебные заведения.

⁵ Диплом лицензиата студенты получают после трех лет обучения.

⁶ Диплом «мемуар де мэтриз» студенты получали после четвертого курса, что означало завершение высшего образования.

⁷ Высшая нормальная школа Сен-Клу входит в число элитных высших учебных заведений страны. Коллеж де Франс – высшее учебно-исследовательское заведение Франции, звание профессора в нем считается одним из самых престижных.

лировка «закон двух лет» показалась мне не совсем точной. Вот тогда я и подумал, почему бы не изучать партию радикалов, учитывая, что до той поры никто из предшественников не объяснял причины действия этого «закона» в поведении партии. С этой целью я попросил одного из известных специалистов Рене Ремона, единственного в то время профессора, предлагавшего молодым исследователям темы по истории после 1914 г., стать моим научным руководителем. Другие профессора считали, что, поскольку архивы по этому периоду откроются лишь к 1960-м гг., то давать такие сюжеты для исследования рано. Р. Ремон очень заинтересовался предложенной мной темой. Он вообще сыграл большую роль в моей жизни, и это ответ на второй вопрос. Итак, я выбрал сюжет о радикалах между двумя мировыми войнами. В 1967 г. Ремон спросил меня, хотел бы я читать лекции в Сьянс-по. Я согласился и тружусь в этих стенах с тех пор. А в 1968 г. он попросил меня стать его ассистентом в университете Нантер. Так началась моя настоящая университетская карьера. Но я хочу подчеркнуть, что стал я историком не только из интереса, но и благодаря серии встреч с коллегами. Моя семья никакой роли не играла в моем профессиональном выборе, потому что, во-первых, я потерял родителей во время войны, воспитывался дядей, который немного помогал мне в финансовом плане, ибо сам был стеснен в средствах. Я ведь и в учительский институт поступил потому, что там давали стипендию с 15 лет. Таким образом, в отличие от многих моих коллег, большинство которых было «нормальянцами»⁸, у меня сначала не было систематического исторического образования. Я редко посещал университет, так как все время работал. Одним словом, постигал знания я в основном по книгам. И мне посчастливилось узнать некоторых крупных историков, быть их ассистентом. Кроме Р. Ремона, назову еще Рауля Жерарде, у которого я начал работать ассистентом в Сьянс-по, а потом занял его пост руководителя Высшего цикла социальной истории XX века. А у Р. Ремона меня очень впечатлила его книга о «правой» во Франции. Я ее прочел в 1965 или 1966 г., незадолго до того, как сам обратился к нему. Что меня особо у Р. Ремона поразило, так это то, как он разобрал книги, которые я до этого прочитал. Это были книги по политической истории, авторы которых излагали события, без особого труда объяснять, почему они произошли. Авторами их были, с одной стороны, академики-монархисты и националисты, доминировавшие в то время в Академии наук, труды которых имели большой успех, а с другой – историки-политики, произведения которых были

⁸ Так во Франции называют выпускников Высшей нормальной школы.

очень сильно политизированы. А книга Р. Ремона мне показалась лишенной каких-либо пристрастий. В условиях, когда «правая» была сильно дискредитирована поддержкой Виши, Р. Ремон показал, что она никогда не была единой, что в ней были страты и что, по сути, во Франции существовало три «правых». Такой важный анализ исторической традиции был очень своевременным, так как в 1950-е гг. правые политические силы в стране начали возрождаться. Еще одна заслуга Р. Ремона заключается в том, что в книге он объяснил, почему «правая» не была едина. К тому же его книга помогла понять, что во Франции существует прочная правая традиция, поэтому партии и возрождаются, что и случилось к 1950-м гг. Р. Ремон не только описал, но и многое объяснил с точки зрения социальной и интеллектуальной перспективы развития. Я не случайно обратился к нему по поводу своей диссертации о радикалах. Практически я всегда работал рядом с Ремоном, как в Сьянс-по, так и в Нантере. Это человек, к которому я искренне испытываю глубочайшее уважение. Он чрезвычайно открыт и в то же время очень скромен. Несмотря на свой огромный интеллектуальный потенциал, многочисленные приглашения на крупные дебаты на телевидение, радио, в прессе, Р. Ремон никогда не пытался создать вокруг себя кружок верных учеников-последователей, как это делают многие историки. Всем, кто работал рядом с ним, он предоставлял полную свободу творчества, в том числе и право на собственную, может, даже и другую интерпретацию истории, нежели у него. Он позволял приходиться к другим выводам, чем у него, и всегда весьма уважал тех, кто рядом с ним трудился. Иными словами, вокруг Р. Ремона существовало некое сообщество, но это было объединение добровольцев. Единственное, чего не принимал Р. Ремон – это когда в угоду идеологическим соображениям историю искажали. Исследователей подобного рода он подвергал безжалостной критике. Вклад Р. Ремона в развитие французской историографии фундаментален. Он пришел в историческую науку, когда в ней доминировало несколько тенденций. Первая – исключительно университетская – базировалась на историческом позитивизме. Суть ее – работа с архивами, сравнение разных архивных данных, а затем – исторические выводы, которые не подвергались сомнению. Причем эти выводы излагались в соответствии с определенной логической схемой. Это была очень серьезная, солидная университетская история. Не все преподаватели этой когорты были сильны в научном плане, но зато все они были преподавали в Сорбонне. В качестве примера среди них можно назвать Шарля Путасса, занимавшегося новейшей историей, или специалиста по XIX веку Луи Жерара, который не искал новых подходов в истории,

но писал фундаментальные труды. Вторая тенденция, которая с этой академической средой порвала – это была «школа Анналов», которая с 1950-х по 1980-е гг. занимала ведущее место во французской историографии. Это бесспорный факт, потому что ее создатели совершили коперникианскую революцию в историческом исследовании, выдвинув идеи о структуре, глубинных корнях истории, стали заниматься периодом длительной исторической эволюции, превратив процесс исторического познания в процесс многосторонний с точки зрения подходов. Но представители «Анналов» очень много нового привнесли в изучение средневековой и новой истории и совсем не интересовались современной историей, которая не имела длительности. Тем более, они абсолютно не занимались политической историей, мало внимания уделяли истории отдельных личностей, обратив свои взоры на историю больших сообществ. Хотя и для тех историков, кто непосредственно специализировался на новейшей истории, влияние «школы Анналов» тоже было очень значительным. Ведь ее новые исследовательские подходы и методы натолкнули их на мысль обратиться к глубинным причинам событий, происходящих в современной истории. Третья тенденция, которая была в то время очень влиятельной во французской историографии – марксистская. Причем писавшие в этом ключе не обязательно были связаны с коммунистической партией, они разделяли в принципе марксистские идеи. Вдохновляясь этими идеями, поколение таких историков особенно сильно нападало на две другие тенденции в 1950–1960-е гг., а по большому счету, марксистские историки вплоть до 1980-х гг. создавали фундаментальные труды. Они, как и К. Маркс, объясняли, что только социальные и экономические факторы влияют на развитие истории, поэтому, вторя ему, считали политическую историю чем-то второстепенным и искусственным. Р. Ремон ни к одной из перечисленных тенденций не принадлежал. Но в 1960–1970-е гг. вокруг него сложилось своеобразное направление, под влиянием которого начали выходить труды по политической истории. Тут особо важную роль сыграла его книга 1980-го года⁹. А представители этого направления, в числе которых имею честь быть и я, продолжили дело, начатое Р. Ремоном, писали очень значительные работы, развивая в них новые подходы к изучению политических идей. Среди представителей этого направления - сверстников Р. Ремона, з – д назову П. Марала, Ж-М. Майера, особенно замет-

⁹ Речь идет о не утратившей своего исторического значения книге «Les droites en France», вышедшей в свет в 1982 г. как дополненное третье издание его первой книги о правых, опубликованной в 1954 г. (второе издание появилось в 1963 г.)

ный след оставившего в изучении истории религии, из людей моего поколения отмечу Пьера Мильзу, Жан-Жака Беккера, Жана-Франсуа Синринелли, Рене Жирарже и др. Подчеркну также, что это направление не стало строго оформленным, в него свободно входило более молодое поколение. В частности, очень много было сделано в деле изучения парламентской системы (Ж. Гарриг). Словом, нашим детищем была живая история, которую мы очень активно развивали. Сегодня во Франции сложилось коллективное историческое сообщество, в котором каждый историк заимствует что-то от другого, исследователи работают сообща. Я, например, много лет возглавлял секцию новой и новейшей истории при Министерстве образования и был очень поражен и обрадован размахом исторических работ. То есть, можно сказать, что историческое сообщество современной Франции очень активно. Вместе с тем я думаю, что в мировом масштабе до сих пор сохраняются черты национальных историографий. Специфика французской историографии в том, что она все еще сильно ориентирована на привлечение архивных материалов. Это как верность традиции, заложенной в 1960-е гг. Еще одной ее особенностью остается появление «скандальных» книг, базирующихся на неоспоримых источниках и специально нацеленных на вызов полемики, переоценку прежних взглядов. В качестве национальной черты французской исторической школы стоит отметить также, что наиболее серьезные работы вышли из-под пера исторических демографов, изучивших немалое количество различных документов, чтобы объяснить прошлое. И тем не менее, сегодня ситуация с положением французской историографии в мире сильно изменилась, потому что на «глобальном историческом рынке» котируются произведения, написанные на английском языке. И, чтобы получить мировое признание, теперь надо публиковаться на английском. Таким образом, сегодня французская историография оказалась несколько маргинальной. К тому же англоязычная историография – это историография синтеза, она меньше задействована на архивах. Во французской же еще ощущается влияние той эпохи, когда надо было защищать докторскую диссертацию, для чего требовалось проделать глубокое исследование. Хотя сейчас, когда и во Франции защищают лишь одну диссертацию, появилась тенденция писать большие работы обобщающего характера, где представлены взгляды и предложены перспективы авторского коллектива. Но пока университетская наука такие работы-амальгамы все же считает не совсем научными. Еще одна черта современной французской историографии заключается в том, что ученые сосредотачивают внимание на исследованиях отдельных и узких сюжетов, поэтому ей недостает работ, где при-

существуют глобальные выводы, что присуще англосаксонской историографии. Понятно, что исторические работы нуждаются в ссылках на архивные документы, но в то же время для объяснения читателям в них надо стремиться приходить к выводам более широкого плана. Я, например, всегда на заседаниях абилитационных комиссий¹⁰ просил расширить область исследования, открыть некоторую перспективу, предложить глобальное видение проблемы. Немножко жалко, что пока работ такого плана маловато во французской историографии.

Интервью с Энтони Роули от 12 мая 2010

Я историк по профессии, сдал агрегационные экзамены, защитил диссертацию по экономической истории, учился все время в Сьянс-по и в 1981 г. я был избран в Сьянс-по постоянным преподавателем. Я там работаю всегда, и у меня имидж историка. Хотя на деле я скорее специалист по экономической истории и написал в этой области много книг, в том числе по истории XX века. Например, о Европе в соавторстве с Ж-М. Гайяром, об экономической истории России с 1850 по 1914 гг. Многие мои работы опубликованы издательством «Сей», половина из них – заграничными издательствами. Но мне не хотелось все время преподавать и писать на один и тот же сюжет. Сейчас я уже лет 15 увлекаюсь изучением истории гастрономии и кухни, причем не только французской, но и европейской. Работая в Сьянс-по, я познакомился со многими историками, но особенно один из них – Мишель Винок – стал моим близким другом. Благодаря ему, в 1981 г. я вошел советником в издательство «Кальман Леви». А потом моя издательская карьера продолжилась в издательстве «Плон», где я постепенно перешел к публикации не только исторических работ, но и книг по антропологии. Я издал последние 4 книги К. Леви-Строса. Потом я стал директором «Перрен» – первого издательского дома трудов по истории во Франции. Там как раз публиковались многие преподаватели Сьянс-по и Сорбонны, отсюда появилась и коллекция «карманных книг». Потом Оливье Нора, который публиковал работы по истории в «Гайяр», мне предложил сделать то же самое в издательстве «Файяр», где я и продолжаю работать, не покидая, однако, стен Сьянс-по. Что касается историографической панорамы Франции, то сегодня, на мой взгляд, в ней наблюдаются новые повороты, по сравнению с «местами памяти» П. Нора.

¹⁰ Во Франции, чтобы после защиты докторской диссертации получить звание профессора, нужно пройти специальную абилитационную комиссию, рассматривающую кандидатуры по совокупности написанных ими после защиты трудов.

Например, раньше идеи К. Леви-Строса и Ж. Лакана считались неприемлемыми для общественных наук, особенно их избегали историки. Может быть, благодаря моему издательскому опыту, я начал понимать, что это ошибка, и считаю, что вопросы социологии, антропологии и психоанализа могут послужить историкам. Поэтому я и опубликовал труды Дени Крузе «Святой Варфоломей», Кристиана Инграо «Верить и разрушать. Интеллигенция в разведывательной деятельности СС»¹¹. Мне представляется, что подобные книги очень важны для того, чтобы понять настоящее. Через них явно видны параллели между резней гугенотов в средние века и той, что происходила в недавнее время в Боснии. Или нельзя просто сказать про эсэсовцев, что все они дураки. Среди них были образованнейшие люди, почти 80% защитили диссертации. И такая жестокость! Откуда? Или возьмем Карла Шмитта и Хайдеггера. Крупнейшие ученые, мыслившие глобально, и такие убежденные нацисты. Какая судьба! Почему? Это надо объяснять в истории с помощью приемов социологии, антропологии и психологии. Еще один повод для размышлений можно извлечь из книг, посвященных колониализму. Явно, что как явление колониализм осуждали и критиковали. Но если посмотреть теперь, спустя 50 лет после крушения колониализма, то мы увидим, что освободившиеся страны в большинстве своем испытывают экономические трудности, во многих из них обострились социальные конфликты. Почему? Это тоже историкам помогают понять новые приемы. Наконец, сейчас наибольший интерес вызывают политические биографии, которым посвящено немало работ. Причем пишут эти книги по-новому, с привлечением приемов и методов из названных выше наук. В результате получается не просто жизнеописание отдельной личности, в работы вносится большой фон исторических событий, объясняющих и понимающих мотивов. Главное – попытаться не только рассказать, но объяснить и понять. То есть, как в антропологии – от деконструкции – к конструкции, иными словами – дойти при объяснении до самых маленьких ячеек, а потом сконструировать историю. И это очень интересно получается через политические биографии. Я знаю, что С. Берстайн, например, как последний столп позитивизма во французской историографии, явно с таким подходом не согласится, считая его не историческим. Но когда я ратую за новые подходы, я не веду речь о вторжении в историческое познание этих наук в чистом виде, а всего лишь выступаю за применение их подходов для понимания истории.

¹¹ Во французском варианте: Crouzet D. La Saint-Barthélemy; Ingrao C. «Croire et détruire». Les intellectuels dans les renseignements de la SS.

Интервью с Марком Лазаром от 18 мая 2010

Что меня побудило стать историком? Думаю, что первое – это школа. Учился я в Париже, историю начал изучать с начальной школы, она сразу меня привлекла тем, как ее рассказывали. Это была история славная и романтическая, способная вызвать слезы. Говорили о Бонапарте, о революции. Я был очень впечатлен взятием Бастилии и считал себя в юности бонапартистом и наполеонистом. В моем детстве ведь не было телевидения (я родился в 1952 г.), поэтому историю воспринимали через повествовательные образы. У нас в доме было радио и много книг. Вторая линия влияния на мое историческое призвание – семья. У меня она была очень политизирована, крайне левая, «коммунизирующая», как бы я ее назвал. В семье много говорили о политике, особенно отец – «попутчик коммунистов»¹². Он был врачом, брал меня на праздники газеты «Юманите», которые меня сильно впечатляли. Во время праздников его многие узнавали, пожимали ему руки. Особо повлияла на меня алжирская война. В моей семье с самого начала выступали за независимость Алжира, однако на улице нельзя было говорить о том, что обсуждают в доме, потому что по стране прокатилась волна покушений и преследований. Тогда никому не доверяли. Когда в 1961 г. ультраколониалисты устроили военный заговор, мой отец – участник Сопротивления, взял свой пистолет времен войны с намерением сражаться с оасовцами¹³. Собственно, я и вырос под влиянием Сопротивления. К тому же мой дед во время войны подвергался преследованиям как еврей. Поэтому в семье моей царил еще и антифашистский и антинацистский дух. После семьи и школы на меня очень повлиял лицей. Это был лицей Бюффон, где царил левая атмосфера. Среди учеников лицей было 5 погибших участников Сопротивления, поэтому каждый год устраивались их чествования, что также не могло не оказать определенного влияния. Таким образом, с детства во мне очень сильна была левая политическая культура. А к 1960 г. мы были уже все политизированы, что и вызывало преклонение перед политикой и историей. Я участвовал в политической жизни в троцкистской организации. Троцкистская культура – это культура чтения. Они много читали, и я прочел «Русскую революцию» Троцкого. Сейчас я эти ценности нисколько не

¹² Так во время холодной войны называли представителей левой интеллигенции, не входившей в компартию, но симпатизирующих ее идеям.

¹³ ОАС – организация ультраколониалистов, выступавших против предоставления независимости Алжиру, устраивавшая не только военный заговор, но и покушение на де Голля.

разделяю, но тогда – да. Даже когда я стал студентом, сначала я тяготел к археологии, но интерес к политике все же скоро перевесил. Поэтому в 1960-е гг. я был очень плохим студентом, учебой не занимался, а делал политику. И для меня не существовало истории, кроме той, которую предлагал марксизм. То есть я был убежден в том, что классовая борьба существовала во все времена, начиная с Античности. Сейчас мне стыдно за мое поведение, потому что я на лекции не ходил или устраивал забастовки и объяснял крупным преподавателям истории Античности и Средневековья, что они ничего не понимают в истории, раз не говорят о классовой борьбе. Учиться я начал в 1976 г., в 24 года, оставил тогда политику и попытался восполнить упущенное. Тоже не без помощи отца, который однажды сказал мне, что хватит делать революции, пора подумать о профессии и работе, ибо революция во Франции не состоится. Тогда-то я серьезно обратился к истории, причем не коммунистической и не марксистской. Так как я не учился, я с трудом прошел агрегацию. Я ведь не знал, ни кто такой Ле Руа Ладюри, ни Жак Ле Гофф, ни Дюби, ни М. Блок. Я знал только Маркса, Ленина и Троцкого. Из тех ученых, кто повлиял на меня, назову, прежде всего, профессора философии Блондин Крижель, которая учила меня в последних классах лицея. Она была «коммунизирующая», поэтому в рамках учебной программы рекомендовала нам для чтения только «Капитал» Маркса и труды Спинозы. Но, изучая даже только эти работы, от нее я научился исследовательской строгости. Очень любила Б. Крижель и историю. Это она меня сориентировала в класс «ипокань», в который я поступил в лицей Севра¹⁴. В этом лицее я встретил еще одного, сильно на меня повлиявшего профессора – мадам Павар. Хотя, как я уже говорил, записавшись после «ипокань» в Сорбонну, я кинулся делать политику и на долгие годы прервал учебу. Я срывал курсы К. Николе, других маститых ученых, за что, повторяю, мне сейчас стыдно. Но когда я вернулся к учебе, я открыл для себя Ле Гоффа, Дюби, М. Блока, Ф. Броделя, Р. Ремона, Ф. Фюре. Их я открыл через книги, не зная лично, а лично на меня сильно повлиял Жак Жюльяр, под руководством которого я и защитил диссертацию в Высшей школе социальных наук. Несмотря на то, что позже он оставил Школу и стал журналистом, ему принадлежат серьезные работы по истории рабочего класса в XIX - начале XX в. Что в нем поражало, так это его свобода в творчестве. Он никогда не был историком-конформистом. Под его руководством я «демарксизировал-

¹⁴ Так во Франции называют специальные подготовительные классы для поступления в элитные высшие учебные заведения, а также учащихся в них.

ся» и узнал, что такое настоящий интеллектуал. Узнал я также, что он был левым католиком. Для меня это было нечто! Ведь раньше я считал, что такое сочетание ненормально. Кроме Ж. Жюльера, на меня сильно повлияла в профессиональном плане Ани Крижель. Она меня образовывала по истории коммунизма. А. Крижель – лучший специалист по истории коммунизма в Европе и мире. Она была антикоммунисткой и в то же время крупным специалистом по истории коммунизма. Ее отличало то, что она ненавидела упрощенные подход и ответственно подходила к работе, требуя того же от других. Затем, постепенно я открыл Рене Редона, который был в жюри по моей диссертации. Назову еще Жана-Франсуа Сиринелли, Сержа Берстайна, Пьера Мильзу. Все они важны для меня как историки. Потом я на 1986–1987 учебный год уехал учиться во Флоренцию. Там я тоже повстречал крупных специалистов, в частности, Даниэля Роша, занимавшегося европейской политикой. Таким образом, я сформировался в профессиональном плане под влиянием двух тенденций – французской политической науки, а в Италии – европейской и американской. Потом М. Дюверже и Ж. Блондель пригласили меня на научно-исследовательскую работу в Сорбонну. Я как-то одновременно начал заниматься историей, политическими науками и социологией. Я немного знал лично Алена Турена, но с работами его ознакомился хорошо. Потом я встретил Ф. Фюре, к которому особенно проникся после появления его книги про коммунизм¹⁵. У меня есть разногласия концептуального плана с Сержем Берстайном. Он считает, что сначала надо работать с документами, а потом выдвигать гипотезу, а я, напротив, считаю, что сначала надо выдвинуть гипотезу, а потом, как учат социологи, искать документы, чтобы или ее подтвердить, или опровергнуть. Тем не менее, наши разногласия не помешали С. Берстайну поспособствовать моему вхождению в Сьянс-по, что лишний раз подтверждает его человечность. Я ему очень обязан. У него большая свобода мысли и творчества. Кроме того, я очень уважаю и сотрудничаю в докторантской школе с преподавателями Гарварда, крупными специалистами, в том числе и по французской истории. Еще меня очень вдохновляют труды Мориса Огюлона. Я его видел раза два-три. Он вообще был довольно скрытный, осторожный. В моей памяти навсегда сохранились субботние семинары в Нантере, которые проходили раз в месяц, длились весь день, и куда приходили историки-мэтры и мы – молодые – для обмена мнениями. Сейчас студентов не заставишь приходиться по

¹⁵ Имеется в виду книга «Потерянная иллюзия», переведенная в 1996 г. на русский язык.

субботам, а тогда эти семинары притягивали массу народа. Там я участвовал вместе с Ж-Ф. Сиринелли, П. Ори, мы там были самые молодые, хотя они и постарше меня. Из крупных историков в этих семинарах участвовали Р. Ремон, Ж-Ж. Беккер и др. Там и студенты делали презентации. Р. Ремон приходил, как правило, после обеда. И однажды я был шокирован тем, что, слушая студента, Р. Ремон писал письма министрам и другим важным чиновникам. Сначала я думал, что он ничего не слушает, но тот мог вдруг вставлять такие реплики или задавать такие вопросы, что я понял, что он делает оба дела сразу вполне ответственно и осознанно. Очень мне запомнился и семинар Ани Крижель по истории коммунизма, тоже в Нантере. Там много было свободы, туда приходили специалисты из CNRS¹⁶, нам посчастливилось услышать на них многих маститых ученых. Я думаю, что, начиная с 1980-х гг., французская историография слишком специализировалась и расплылась. Существуют еще дух «Анналов», Сьянс-по, институтов, Высшей школы, CNRS и т.д. Направление «Анналов» сохранилось, но оно сейчас не очень влиятельно. Развиваются направления по истории культурной, политической и пр. Но что меня больше всего поражает, так это чрезмерная специализация исследователей по определенным периодам, тогда как Р. Ремон, С. Берстайн и другие представители старой гвардии имели более широкий диапазон мышления и считаются мастерами синтеза и глобальных обобщений. Они могли охватить сразу XIX–XX вв., руководить семинарами, охватывающими длительный исторический период. Сегодня ситуация изменилась. В целом, так случилось по причине возникновения спроса на историческую продукцию такой-то специализации, таких-то сюжетов. Удовлетворить подобный заказ подчас доступно лишь коллективам исследователей. Я сожалею об этом, мне не хватает этой общей исторической культуры, и я думаю, что такое положение дел характерно не только для французской, но, как мне кажется, и мировой историографии. Теперь все коллективные проекты, контракты, деньги. Раньше историки были индивидуалистами. С другой стороны, хорошо, что история становится все более интернациональной. Наряду с этим во французской историографии обозначилась еще одна проблема. Дело в том, что многие наши историки интересовались только своей историей, «варились в собственном соку», и следствием этого стало то, что французская историография оказалась немного провинциальной. Мы теперь маленькая провинция большого мира, и французские историки только теперь начали это осознавать. Я же прочувствовал это раньше, потому

¹⁶ По-французски – CNRS – Национальный совет научных исследований.

что довольно рано побывал во Флоренции, в Европейском университете. Проблема эта усугубляется еще и тем, что историки наши писали только по-французски, а сейчас надо писать по-английски. Это когда все зачитывались «Анналами», тогда все и учили французский язык, но теперь эти времена прошли. Историческая наука сегодня более открытая и носит сравнительный характер. У нас в Сьянс-по молодежь двуязычная, все владеют английским языком, а иногда еще и каким-то другим. Итак, подчеркну еще раз, что нынешние исторические исследования требуют коллективных усилий, решают задачи сравнительного плана, зависят от финансирования. И вдобавок – сегодняшняя история междисциплинарная. Часть историков обратила свои взоры на антропологию, другая опирается на социальные науки, еще одна – на социологию, а некоторые – создают культурную историю. Я рад этому, потому что в новых подходах отнюдь не растворилась и история хронологическая и фактологическая. Касаясь имен, назову прежде всего Пьера Розанваллона и Франсуа Фюре, создавших концептуальную политическую историю, Рене Ремона, заложившего основы глобальной политической, культурной и социальной истории. Признанный специалист в области истории антропологической – Морис Огюлон. На мой взгляд, А. Крижель и Ф. Фюре вообще не поддаются классификации. Ф. Фюре ведь значительную часть своей жизни работал над созданием своей теории с философами. Теперь Ж-Ф. Сиринелли и я воплощаем идеи Р. Ремона по политической культуре. Я занимаюсь политической культурой левых. Сегодня многие политологи пришли работать в историю. Произошел исторический поворот в политической истории. Хотя нельзя не отметить, что на этом фоне как-то перестали уделять внимание истории государства и его институтов, конституционному устройству. Но в целом, историческая наука сегодня во Франции процветает. Стали, например, появляться интересные работы по истории Первой мировой войны, которые разорвали с прежней традицией описания войн. В этих работах авторы размышляют о насилии во времена войн, о социальных последствиях «выхода» из войн. Я сам представляю себя как историка, который занимается политической историей, опираясь на методы антропологии и социологии. Однако историки считают меня слишком политологом и социологом, а политологи и социологи – наоборот, слишком историком. Правда, что я никогда не забываю М. Блока и Л. Февра, всегда по программе рекомендую их читать студентам. Ценю также Ф. Броделя, М. Огюллона, Р. Ремона и П. Нора. Я слушал курс П. Нора в Сьянс-по, и это было великолепно. Он историк, обладающий экстраординарной элегантностью. А на работу в Сьянс-по вести курс «Исто-

рия и политическая социология Европы» меня сначала пригласил Д. Кола. До этого я выдвигался на пост доцента в Нантер и Париж-1. В Нантер не прошел, а в Париж-1 меня приняли, и там я проработал 4 года. Наконец, мою кандидатуру на должность руководителя школы докторантов в Сьянс-по поддержал С. Берстайн. Сьянс-по – это была моя мечта, потому что в Сьянс-по чрезвычайно развита междисциплинарная история, горячим сторонником которой я являюсь. В университетах этого нет. Словом, я всем обязан С. Берстайну. Я думаю, что больше не существует национальной историографии, чему рад. Не секрет, что много интересных работ по истории нашей страны написано иностранными специалистами. Например, очень интересно о нашем Старом режиме XVII-XVIII вв. написал американец Стивен Каплан. Зато остается национальная традиция в образовательной методике. Например, если на конференциях выступает француз, то он начнет с краткого вступления, потом изложит план, а потом приступит к содержанию доклада. Итальянец будет бесконечно читать свое вступление, объясняя, кто что написал. Учитывая то, что на доклад обычно отводится 30 мин., у него не останется времени на основную часть. А американец начнет с анекдота и вслед за тем из него будет развивать сюжет уже на основе источников. К тому же во Франции историю преподают в неразрывной связи с географией, чего нет в других странах. Зато наши историки не изучают антропологии, социологии, философии, права. А в Германии, например, совершенно невозможно проходить абилитацию по теме диссертации, как это делается у нас. Иными словами, налицо разница в процессе формирования историка. В качестве положительных сдвигов в этом процессе можно назвать то, что сегодня во Франции нельзя защищать диссертацию, не цитируя работ иностранных специалистов, равно как и то, что наши студенты, благодаря Интернету, свободно ориентируются в информационном пространстве. И все же теперь у истоков многих новейших исследовательских подходов стоят американские историки. Многие ведущие научные школы находятся в США. В них впервые начали изучать гендерную, сексуальную историю и тому подобное, тогда как во Францию все эти направления пришли запоздало. Мне жаль, но это так. Хотя постепенно и мы подключаемся к освоению новых тем, участию в крупномасштабных проектах по изучению войн, общественной политики, холодной войны. В нашей стране неплохо развиваются история культурная, репрезентативная, европейская. Интересно, например, понять, почему американская массовая культура победила советскую. Раньше все объясняли деньгами, военной мощью, богатством экономики, но очевидно, что такого объяснения не достаточно. Истори-

ческое пространство глобализируется, но в нем сохраняются различия в методике преподавания и требованиях к подготовке специалистов. Например, итальянские историки начинают учиться с усвоения того, кто что написал: Н. Макиавелли, Б. Кроче, А. Грамши. Причем читают они труды предшественников не критически, тогда как американские историки все прочитанное подвергают критике. В Германии истории обучают очень по-философски и по-социологически. А во Франции история идет рука об руку с географией. Отчасти поэтому в нашей стране крупные специалисты-новаторы, такие, как Ф. Бродель, не работают в университетах. Их быстренько отправляют в Высшую школу социальных наук, или в Коллеж де Франс, или в Сьянс-по. Сегодня французской историографии явно не хватает выхода на международный уровень и на другие дисциплины, в том числе на философию, антропологию, социологию, теоретические и политические науки. Подобную открытость можно наблюдать в Высшей школе, но в университетах, особенно в провинции, студенты изучают историю по прежней схеме: Античность, Средние века и так далее, география. И опираются там в основном на историографию французскую. Наряду с открытостью сегодня велика значимость трудов коллективных. Я много таких выпустил, но не все историки приветствуют их появление. Бесспорно, коллективные исследования должны совмещаться с индивидуальными. У меня проекты по сравнительной истории «левой» и государства в Европе: Франции, Италии, Германии и Англии. Есть и индивидуальный проект, посвященный изучению взаимоотношений левых и государства во Франции в XIX–XX вв. Задумал я также написать книгу по итальянской истории, опираясь на методы антропологии и социологии, посвятив ее «вульгаризму и рафинизму» в Италии, ибо представляется мне, что страна эта самая вульгарная и рафинированная в мире. Книга будет о С. Берлускони. На его примере я и попытаюсь рассмотреть этот феномен.

Интервью с Я. Деэ от 21 мая 2010 г.

Диссертацию на тему: «Политическая мифология во французском кино» я защитил в Сьянс-по под руководством Пьера Мильзы. В 2000 г. она была опубликована, а сейчас я уже сам редактор издательства «Новый мир». Годы моего профессионального формирования пришлись на 1980–90-е, которые по праву можно назвать «сильной эпохой». Тогда Высшим циклом социальной истории XX в. руководил С. Берстайн, после министерского поста туда вернулся Ж.-Н. Жаненэ, на долю которого, когда он был в правительстве Ф. Миттерана министром культуры и связи, выпала честь подготовить празднование 200-летия Французской

революции 1789 г. Преподавал в Цикле находившийся как бы между историей и журналистикой Алэн-Жерар Слама, известный также как автор передовиц в «Фигаро». Он вел очень интересный семинар на тему: «Политическая история и литература». Еще я посещал семинар под названием: «История, искусство и общество». Незабываемые впечатления остались от семинаров М. Винока и Р. Ремона. Мне посчастливилось застать последний год семинаров Р. Ремона по правам и нации, а также поучиться у первого директора Цикла Рауля Жирарде, который оказал на меня особое влияние. Это ведь у него я, по сути, позаимствовал идейный замысел, приступая к работе над моей диссертацией, потому что именно он занимался тогда изучением политической мифологии. Теперь историки много говорят о влиянии политических мифов на политическую культуру рядовых граждан. Большое внимание, в частности, уделяется такому мифу, как сплочение, единение простых людей. Так я предстал структуралистом, изучавшим с помощью мифов и мифологии французское общество. В принципе, я не возражаю против того, что это мелкие элементы, своего рода полу-темы, но, тем не менее, они служат важными компонентами политической культуры общества. Когда мы обращаемся к кино, мы же изучаем не столько режиссеров, актеров и персонажи, сколько важные жизненные темы и проблемы. К примеру, на некоторые фильмы французы шли, чтобы увидеть «Вечный Монмартр» или национальные традиции и т.п. Или вспомню, как в 1983 г. нашумела комедия Ж-М. Пуаре «Мой папа был в Соппротивлении», жесткая и развеявшая миф о том, что все французы сразу были сопротивленцами. Фильм продемонстрировал их в большинстве своем коллаборационистами. Исследовательские сюжеты, подобные тому, который я выбрал для своей диссертации, представляют собой один из подходов к изучению политической культуры простых людей, а именно – через изучение мелких объектов, последующее затем облачение их в научную форму и придание им научной трактовки. Этот подход подтолкнул развитие культурной истории, составляющей одну из ярких страниц французской историографии. Например, несколько месяцев назад была блестяще защищена диссертация Клэр Секэ на тему «Преступления в кино», которую я издал в 2010 г. Прорыв культурной истории во Франции обеспечило несколько ключевых фигур из мира ученых: в Сьянс-по это Ж-Н. Жанненэ, в Высшей школе социальных наук М. Ферро, сейчас в Париже-1, а тогда в университете Версаля – П. Ори. Они специализировались по истории XX в., но можно вспомнить и несколько имен из тех, кто посвятил себя истории XIX в. Причем продвинуть ее на историческом пространстве они смогли благодаря своему

научному авторитету, завоеванному по «серьезным сюжетам»: М. Ферро по истории СССР, Ж-Н. Жаненэ по истории левых, П. Ори по культурной политике Народного фронта. Надо причислить к этой когорте еще Ж-Ф. Сиринелли, который пришел к культурной истории от истории интеллектуальной, и Роже Шартье, писавшего об интеллектуальной истории. Вообще все эти «отцы-основатели» защитили диссертации по классической истории и лишь потом занялись культурной историей. А сейчас сюжеты по культурной истории утвердились, их активно разрабатывают 30-50-летние исследователи. В университете Версаля на этом поприще эстафету от П. Ори принял К. Дельпорт. Под руководством П. Ори он защитил диссертацию на тему «Деньги и литература в XX веке» и возглавил Центр культурной истории после ухода своего шефа. В Институте Нового времени это направление развивает Ж. Нива. Теперь там проводятся семинары по истории телевидения, кино и т.д. Если для поколения М. Ферро сюжеты из культурной истории считались хобби, то молодые исследователи берутся за самые смелые сюжеты, такие, как история джаза, комиксов и др. Это исследователи без комплексов. Иными словами, культурная история легитимировалась. Теперь и в университетах создаются посты специально для тех, кто занимается культурной историей, хотя и не без дискуссий по поводу назначений. Наше издательство много публикует историков этого направления. Так, мы опубликовали книги Лорана Мартана, защитившего диссертацию на тему о «Канар аншене»¹⁷, Лидвин Бантини, защитившей диссертацию о французской молодежи в годы алжирской войны, в которой был поставлен вопрос о том, сложилась ли общая культура у призванных на эту войну. Вышли в нашем издательстве работы, посвященные культуре простой молодежи в 1960-е гг. Появляются совершенно новые исследовательские сюжеты (например, по истории разведок), которые раньше были засекречены и доступны лишь военным историкам, а теперь, как видите, диссертации о разведывательной деятельности свободно защищаются в гражданских вузах. То же можно сказать об истории спорта. В Сьянс-по, например, ведется семинар по истории спорта. Естественно, такие темы тоже нуждаются в источниках для интерпретации, цитирования, получения точных данных. Понятно, что тут нужны и новые технологии хранения источников. Но теперь есть такие технологии, каких не было 20 лет назад. К тому же, например, когда я начинал писать свою диссертацию, большим подспорьем служила ки-

¹⁷ «Le Canard enchaîné» - известная французская политическая сатирическая газета с почти столетней историей.

нокритика тех лет. Случались и интересные метаморфозы. Кристиан Ле Бек, например, от изучения дореволюционных и революционных карикатур превратился в историка кино. Так в наши дни оказалась возможной инверсия в исследовательских подходах. На мой взгляд, национальные исторические школы не исчезли, несмотря даже на то, что сейчас в мировом масштабе французская историография занимает весьма скромное место. Самый ее плодотворный период приходится на 1980-90-е гг., но тогда она была закрыта еще сильнее. Сегодня французская историография «открывается». Например, в Париж-3 на преподавание истории кино избрали немца. И на разных конференциях, особенно в США, совершенно неожиданно встречаются соотечественники. Иными словами, современные историки хотят путешествовать, тогда как прежде, на протяжении 50 последних лет, французская историография была, в известной мере, непроницаемой. Сегодня в США трудится больше французских профессоров, чем в самой Франции. По крайней мере, в математике – это факт. Вместе с тем французских историков мало еще переводят в США. Для более полного «открытия» французам не хватает денег, но я надеюсь, что это изменится. Мне, например, удивительным кажется почти отсутствие связей между историками Квебека и Франции. У нас ведь один язык. Что касается проблем сегодняшней французской историографии, то, на мой взгляд, их две. Проблема первая, с моей точки зрения как издателя, связана с умением писать. Дело в том, что молодых историков не научили писать исторические тексты. Это относится, например, к сюжетам по Средневековью, которые пестрят массой современных слов. Нужно учить студентов разным типам исторического языка. Сегодняшние тексты диссертаций по истории Средних веков сильно разнятся с теми, что писали в эпоху Ж. Дюби, сплошь состоят из жаргонной речи, отчего страдает качество. К тому же из-за широкого распространения Интернета издатели теперь должны строго проверять написанное. Существуют специальные курсы по обучению пользованию электронными ресурсами. На мой взгляд, не нужно и такое требование к диссертациям, как обширное цитирование. Зачем это? Для того лишь чтобы показать, что читал книги. В итоге тексты диссертаций огромные, и издатели не хотят их публиковать, ибо будут вынуждены соответственно больше платить читателей. Вторая проблема, типичная для французской историографии связана с ее чрезмерной специализацией, которой не существовало 20 лет назад. Поэтому сегодня затруднительно появление крупных историков, которых почитали бы все, как это было в мои годы. Нет общей исторической культуры. Сегодня среди поколения 40-летних историков есть хорошие специалисты, но все же

они не мэтры. Если в 1980-90 гг. можно было прочесть все исторические новинки, то теперь это физически невозможно. Р. Ремон, в конце 1980-х гг. сказал мне, что перестал читать, ибо это не реально. Над этой проблемой надо подумать. Конечно, есть исключения. Упомяну двух молодых исследователей. Один – медиевист и «нормальянец» Патрик Бушерон. Он сумел выйти за узкие рамки своей специализации. В прошлом году под его редакцией в издательстве «Файяр» вышел коллективный труд о средиземноморском мире в XV в., а два года назад в литературном издательстве он опубликовал исторический роман о Н. Макиавелли. Другой заметной фигурой среди молодых историков является Антуан Литии, возглавляющий редакцию «Анналов». Однако большинство 35–50-летних историков все же слишком зациклены на своей области исследования.

* * *

Думается, что, подытоживая размышления французских историков о пространстве политической истории в современном глобализирующемся мире, не стоит делать пространных выводов, ибо вдумчивый читатель сумеет самостоятельно выбрать то, что покажется ему необходимым для собственного творческого поиска. Очевидно одно: чтобы занять свою нишу в универсальном историческом мире, и французским, и российским историкам надлежит издавать свои труды на английском языке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бессмертный Ю. Л.* Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994–1997 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 4.
Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2000.
Канинская Г. Н. Историк об историческом знании и о себе. Интервью с директором центра истории Института политических наук Парижа профессором Ж.-Ф. Сиринелли // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 291–304.
Мозильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Вып. II. Томск, 2003.
Ревель Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. 1998. № 5, 6.
Ретина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. М., 2009.
Jeanneney J.-N. Concordance des temps. P., 2005.
Rioux J.-F., Sirinelli J.-F. Histoire culturelle de la France. T. 4. Le temps des masses. P., 1998.
Sirinelli J.-F. Comprendre le XX-e siècle français. P., 2005.

Канинская Галина Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; kaninsk6@mail.ru